

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

значительно чаще, чем в функции показателя исходного падежа: се-ре-эри уруфасикутэ... (ХМ, 202, 7) "[это] красивее, чем то...". Вместо эри в функции исходного падежа начинает использоваться -кара, встречающийся еще довольно редко.

5) Формант -га, использовавшийся в древнеяпонском языке исключительно как показатель притяжательного падежа, начинает использоваться как показатель именительного падежа при подлежащем, представленном субстантивированным предложением: ... игру-га курусику... (ХМ, 374, 14) "... смотреть [на это] горько... (буив. смотрение [на это] горько)".

6) Остальные падежные форманты - -то, -маде и -фе практически не отличаются по своим функциям от соответствующих формантов современного языка.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что падежная система языка прозы XI в. занимает промежуточное положение между древнеяпонской и новояпонской системами. Следовательно, по крайней мере в области склонения язык японской прозы XI в. представляет собой не поздний древнеяпонский, а среднеяпонский язык.

1. В.М.Алпатов. Еще раз о характере ганго в японском языке. - "Вопросы японской филологии", № 5. М., МГУ, 1981.
2. Для цитат из "Манъёсю" указывается номер стихотворения.
3. Знаками э, и, о мы передаем древнеяпонские гласные второго сингармонического ряда.
4. Для цитат из прозаических памятников и драматических произведений указывается номер страницы по изданию и номер строки на странице.
5. А.В.Вовин. О реликте эргатива в древнеяпонском языке. М., ИНИОН, 1985. Деп. № 21071.

Сокращенные обозначения текстов:

- М - "Манъёсю" (万葉集. 日本古典文学大系, 4-7. 東京 1956).
ХМ - "Хамамацу тонагон моногатари" (浜松中納言物語. 日本古典文学大系, 77. 東京, 1964).
ЕК - "Екёку" (言書曲. 日本古典讀本, 8 東京 1938).

И.Н.Воевуцкий

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Под конфессиональным языком (по другой терминологии - агноязыком) мы будем в данной работе понимать разговорный язык той

или иной конфессиональной группы, оказавшейся в таких условиях, что канонический язык (язык священных текстов) утратил функцию разговорного языка. В качестве разговорного употребляется (обычно видоизмененный) язык населения, в среду которого попала данная конфессиональная группа; однако для записи используется шрифт канонического языка. При переводе канонической литературы на конфессиональный язык возникал калькированный вариант, конфессиональный по лексике и канонический по синтаксису; в остальных случаях использовался обычный разговорный вариант (по другой терминологии — "местный").

Малые конфессиональные языки лишь недавно стали привлекать внимание исследователей, и хотя в данной области мы еще далеки от генеральных обобщений, некоторые явления бросились в глаза почти сразу, а именно то, что независимо от конкретного языка, во всех конфессиональных языках выступает ряд общих черт на всех языковых уровнях.¹ В данном сообщении мы постараемся показать схожесть орфографических методов в иудейско-итальянском и мусульманско-испанском языках.

В нашей статье, посвященной иудейско-итальянской орфографии,² мы показали три сосуществующие орфографические тенденции: 1) ориентированность на нормы орфографии канонических языков (древнееврейского и арамейского): например, конечный "а" сопровождается графическим ׀ или ך; 2) ориентированность на нормы итальянской орфографии: например, в передаче звука ѣ; в итальянском он может быть только перед гласным и передается сочетанием *sci* + гласный; в древнееврейском его передает самостоятельная буква װ; тем не менее глагол *lasciare* в иудейско-итальянской передаче можно встретить как в написании װׁׁׁׁׁ так и װׁׁׁׁׁ хотя װ после ׁ не нужен. (Подобного явления не встретишь, например, в иудейско-испанском языке, поскольку иудейско-итальянский существовал в италоязычной среде, иудейско-испанский же развивался вдали от Испании); 3) фонетический принцип (полная противоположность первой тенденции), когда при записи исходят только из необходимого и достаточного без оглядки на традицию, в результате возникают формы на взгляд еврейскоязычного читателя нелепые и уродливые, но все же читабельные: например, слово может кончаться и непосредственно на "а" без ׀ или ך.

Богатый материал на мусульманско-испанском языке (алхамиадо) стал доступен прежде всего благодаря серии публикаций СЛЕАМ.³ К сожалению, в этой серии почти не приводятся факсимиле рукописей, которые издаются не в оригинальной арабской графике, а в транс-

крипци, тщательно разработанной и подробной, но недостаточной все же для изучения их орфографии. Обобщенные сведения об орфографии алхамиадо содержатся в книге издателя упомянутой серии А.Галмеса де Фуэнтеса.⁴ На этих сведениях мы и будем основываться в дальнейшем изложении.

Следует различать два алхамиадо. Первый – мосарабский алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников (литература в это время создавалась на латинском языке), так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка документирован плохо. Единственные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычные мувашшахи. Фонетика этого языка восстанавливается лишь приблизительно, хотя бы из-за неточности и разнообразия передачи арабами испанских слов. Для языка этой эпохи более распространен термин "романский", включающий как испанский, так и каталанский и португальский.

Второй алхамиадо – алхамиадо морисков (испанских мусульман) эпохи Реконкисты (XIV–XVII вв.). Он является следующим этапом развития языка и лишь косвенно помогает восстанавливать язык мосарабского периода. На этом алхамиадо существует обширная литература. Здесь мы обнаруживаем два варианта, приведших к двум противоположным способам передачи испанских слов арабскими буквами (но не в одном и том же тексте, как это было в иудейско-итальянском).

Первый вариант – алхамиадо Арагона и Кастилии. По мнению А.Галмеса де Фуэнтеса разговорным арабским мориски этих областей не владели, испанский же знали прекрасно, а арабскими буквами записывали испаноязычные тексты лишь по традиции: для того, чтобы ясен был мусульманский адресат этих текстов, (тождественно употреблению еврейских букв в малых иудейских языках: не остается сомнения в иудейском происхождении и назначении текстов). В этом алхамиадо нет никакой оглядки на арабскую орфографию, испанское слово написано так, как удобно, как достаточно для точной передачи; так алиф не означает здесь долготу, а передает звук "е", ташдид не означает удвоения, а передает звуки, отсутствующие в арабском, например, $\text{ف} = \text{p}$; ташдид в арабском недопустим в начале слова, здесь же он может быть и в начале; не устраняется двусогласное начало, ни на письме, ни в произношении. Этот вариант алхамиадской орфографии полностью соответствует третьему из перечисленных нами способов иудейско-итальянской орфографии. Издателю прочесть такой текст как правило не трудно.

Иное дело – мориски Валенсии. Они как раз прекрасно знали арабский и говорили на нем, испанский же знали плохо, а с латиницей были знакомы лишь немногие из них. По-испански они и не писали, так что самостоятельных текстов на этом алфавите нет. И все же им приходилось прибегать к записи испанских слов: для заучивания молитв в условиях насильственной христианизации. Естественно, рассмотренный выше способ записи был для них неприемлем: такое написание раздражает глаз арабоязычного читателя, кажется ему бессмысленным нечитабельным набором букв. В передаче морисков Валенсии испанские слова стилизируются под арабскую орфографию: чтобы слово можно было прочесть, оно должно напоминать арабское; например, имена, оканчивающиеся на "а", записаны с использованием ā , двусогласное начало устраняется предваряющим алифом с каким-либо гласным и т.п., то есть так же, как передавали арабы испанские слова в мосарабский период. Этот вариант орфографии алфамиадо соответствует первому из рассмотренных нами способов иудейско-итальянской орфографии, хотя последняя никогда не доходила в своих имитациях до крайностей. Расшифровать эти тексты сложно, но, как мы уже сказали, текстов таких мало, и это естественно, ибо если бы испаноязычная литература у морисков Валенсии получила распространение и развитие, такой способ орфографии едва ли удержался бы; скорее он приблизился бы к тому способу, какой мы встречаем у морисков Арагона и Кастилии.

Одинакова судьба обоих рассмотренных языков: к XV в. потомки уцелевших морисков превратились в испанцев и пользовались обычным испанским языком и латиницей; примерно к этому же времени итальянские евреи записывали даже религиозные тексты (пасхальная аггада и т.п.) в основном обычным итальянским языком латинскими буквами.

-
1. Подробнее: И.Н.Воевуцкий. Лингвистическое значение среднеарабских текстов-калек. III и ПИИЧВ, XV, ч. II. М., 1985, с. 42-43.
  2. И.Н.Воевуцкий. Палеография иудейско-итальянских текстов. ПИВ 1978-1979. (В печати).
  3. Colección de literatura española aljamiado-morisca. Dirigida por Álvaro Galmés de Fuentes. 1. Madrid: Gredos, 1970-
  4. A.Galmés de Fuentes. Dialectología mozárabe. Madrid, 1983. (Biblioteca románica hispánica. III. Manuales, 58).